

К вопросу о духовности

Андрей Пелипенко
Игорь Гр. Яковенко

У нас есть основания утверждать, что сейчас мы оказались свидетелями кристаллизации новой базовой ценности. На место знака нашей этнокультурной общности предложен образ или, вернее, иероглиф «духовности».

Понятие «духовности» забрезжило на идеологическом горизонте с началом перестройки, когда зашатались советские эмблемы и ориентиры. Число отсылок к «духовности» стало пугающим, а контекст употребления слова — неохватно всеобщим. О духовности говорят нынешние академики и вчерашние секретари обкомов, чиновники и иерархи Церкви, журналисты и военные. Поскольку «духовность» никак не определяется, а утверждается закладательно-апологетическим образом, на смысл предлагаемого понятия стоит обратить сугубое внимание.

Бесконечное повторение заклиний о «духовности» производится весьма специфическим слоем людей, характерные особенности которых заслуживают анализа. Прежде всего это люди, скрыто или явно представляющие магический тип мышления. Мир для них предстает заколдованным. В сознании таких людей мир неопределим в своих базовых характеристиках. А потому попытки добиться четкой дефиниции того, что есть «духовность», — занятие бессмысленное.

По существу же «духовность» в сознании этих людей предстает как нерасчленимый сплав некоторой суммы ценностных установок, которые могут быть представлены в определенном наборе. В основе лежит трансцендентный по отношению к отдельной личности образ социального целого, определяемого понятиями «держава», «государство», «народ», — в рассматриваемой системе сознания эти номинации взаимозаменяемы. Социальное целое воплощает высшую сакральную ценность и несет в себе всю полноту бытия. Что касается отдельной личности, то она рассматривается как средство. Отсюда архаические ценностные установки в межличностных взаимоотношениях, ориентированные на патриархализм, самоуничтожение жертвенностью, узкая функционализм человеческой личности в социальных контекстах (каждый мальчик — будущий солдат, девочка — мать будущего солдата) и мазохистский от-

каз от свободы. В этой системе координат добровольное рабство трактуется как подвиг высшей «духовности», самопожертвования, возвышенного аскетизма.

Антиличностный характер рассматриваемой нами «духовности» проявляется в том, что она не может реализоваться на уровне отдельно взятого человека, но требует соучастия, желательного, всего народа. Наша «духовность» не есть общение личности с творцом. Должен присутствовать «мир», община, круг единомышленников. Иными словами, «духовность», тогда лишь являет себя и стоит чего-либо, когда отражается в чьих-то глазах.

чего — то внешнего, исключающего свободу выбора.

Еще на одно фундаментальное свойство нашей «духовности» указывает активное неприятие ее адептами современной реальности, их ненависть к «безбожной и пошлой» цивилизации «сникерсов и жевательной резинки», к миру торговли и экономической свободы. Российская «духовность» неотделима от противостояния Западу. Но Запад, получавший в разные времена разные имена — от «папешской ереси» до царства мировой буржуазии — по существу оставался одним и тем же, исторической альтернативой, которая одновременно пугала и

Кафедра

нофизическая ненависть к человеческой плоти, радостям бытия, неприятие гуманизма как мироощущения, утверждающего ценности человеческой личности и земного существования, клинические формы хилиастического утопического сознания и многое

ДМИТРИЙ БОРКО

НУ И ЧТО? А НА КАКИЕ ДЕНЬГИ ХРАМ ВОССТАНАВЛИВАТЬ?

Как и положено людям синкретического сознания, адепты «духовности» не могут осознать противоречий в собственных позициях. А потому их не заботит несводимость, с одной стороны, рабско-мазохистской покорности отдельной личности воле коллектива, «мира», а с другой — абсолютизация воли (того же социального абсолюта) как единственного источника блага и разумного преобразования жизни.

В понимании ее адептов сокровенная суть, зерно «духовности» состоит в добровольном отказе личности от своей личностности, в акте, описываемом словами «самоотвержение», «самоотречение», «самосождение». Подвижничество, полезная деятельность понимаются здесь не как акт свободы и морального выбора, но лишь как следствие действия

бесконечно притягивала. Если одни молча противопоставляют России Западу, то другие прямо говорят о том, что высокой и возвышенной российской духовности противостоит пошлый и бездуховный (вариант — дьявольский) мир Запада. Но подобные утверждения — клевета на Творца и Творение. Нет и не может быть народа вне Божьего замысла, как и не может быть общества, лишившегося Божьего духа. Нет духовной России и бездуховного Запада, есть иная культура. А то, что ревнителям устоев она представляется «бездуховной», — это их собственные проблемы.

Понятие «духовности» имеет традицию, за ним набор смыслов и отношений к миру. За словом «духовность» — манихейское противопоставление возвышенного «духа» низменному «брюху», мо-

другое. Приняв символ «духовности», мы будем вынуждены играть на поле противника. Нам останется вести борьбу за содержательное наполнение этого понятия. А такая борьба, учитывая мощь и устойчивость традиции, бесперспективна.

Носители либеральных ориентаций должны формулировать свое видение базовых ценностей посткоммунистической России. На этом пути нет никаких теоретических проблем, ибо речь идет о давних завоеваниях христианской европейской цивилизации, о ценностях либерализма и человеческой личности, об идеалах духовной, социальной и экономической свободы. Утверждение идеала «духовности» стало бы победой циклического начала русского развития.